

УДК 008

DOI: 10.17223/22220836/34/18

И.И. Горлова, А.Л. Зорин

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К СОЗДАНИЮ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПАМЯТНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

В статье представлены разработанные современными западными теоретиками искусства и учеными подходы, позволяющие разносторонне определить ценностные характеристики памятников. Основное внимание концентрируется на концепциях А. Ригля, Р. Дебре, У. Лайла, Дж. Тейнтера и Дж. Лукуса. Делается вывод, что, несмотря на выявление ранее скрытых сторон исследуемого объекта и обнаружение его новых функций, единой типологии ценностей до сих пор не создано, так как разные специалисты склонны применять свои собственные классификации.

Ключевые слова: аксиологическая теория памятников, интенционально-мемориальное понимание памятников, национальная ценность памятника, памятник-послание, памятник-след, памятник-форма, имманентность ценностей.

В настоящее время применительно к понятию «памятник» существуют различные подходы. Всё зависит от того, в рамках какой науки осуществляется рассмотрение. Поскольку предметом познания в исторических науках являются материальные артефакты и тексты, то при историческом подходе помимо термина «памятник» используются близкие по смыслу понятия: такие как «исторический факт», «исторический документ», историческая память» и т.д. В контексте культурологического подхода оперируют такими понятиями, как «культурная среда», «материальные и духовные ценности», которые по своему значению соотносятся с понятием «памятник». Официальное признание термина «культурное наследие», зафиксированное в Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия», принятой в 1972 г., позволило осуществлять трактовку понятия «памятник» в аксиологическом (ценностном) аспекте. Первоначально ценностная характеристика памятников в научной литературе наиболее детально разрабатывалась применительно к объектам архитектуры. Однако со временем сфера применения данного подхода значительно расширилась. Так, в «Большом энциклопедическом словаре», вышедшем в свет в начале 90-х гг. прошлого столетия, дается трактовка памятников как «вещественно ценных артефактов археологии, истории, искусства, письменности» [1. Т. 2. С. 104], а последние позиционируются как неотъемлемая часть культурного наследия. В этой связи весьма актуальным представляется рассмотрение подходов к трактовке памятников в ценностном аспекте, которые сложились в рамках западной гуманитаристики на протяжении последних ста лет как в странах Европы, так и в США.

Важную роль в разработке аксиологии культурных ценностей сыграл австрийский теоретик искусства и историк А. Ригль, который был одним из первых, кто обратил внимание на то, что в эпоху модерна существенно изменяется установка по отношению к реликтам прошлых времен. В этой связи в

своей работе «Модернистский культ памятников, его характер и истоки» он осуществил скрупулезный анализ ценностей культурного наследия. Обращаясь к истокам данного феномена, австрийский искусствовед ввел в научный оборот два понятия: «интенциональный памятник» и «неинтенциональный памятник». При этом характеристика памятников обоих типов основывалась у него на двух аксиологических категориях. Ценности первой, названной «мемориальной интенцией», по мнению А. Ригля, оказываются связанными с прошлым и отпираются на историческую память, в то время как ценности второй – «интенции настоящего» – берут начало из насущных потребностей современности. Так формируется дуальная ценностная структура, представленная, с одной стороны, ценностями истории и истории искусства, а с другой – утилитарными и гедонистическими ценностями. Памятник, полагает австрийский искусствовед, может оказаться источником поддержания исторической (т.е. документальной) или художественно-исторической ценности. Однако художественную ценность памятника А. Ригль не считал единственным критерием его оценки, помимо нее, в ценностный ряд мемориальной интенции им была помещена ценность *древности*, т.е. «возраста» объекта культуры. «Древность» – это те знаки, которые на памятнике оставило время и которые способны вызывать некое эмоциональное переживание, не связанные напрямую с уровнем исторических познаний зрителей, и тем самым активизировать их историческую память.

Что касается второй категории ценностей (и прежде всего утилитарной ценности), то она, с точки зрения А. Ригля, обусловлена чувствами и духовными потребностями современных людей. Утилитарная ценность в той или иной мере присуща всем памятникам: она дает возможность отличать памятник от археологических реликтов, обладающих лишь документально-исторической ценностью, и от руин, оставшихся от далекого прошлого, значимость которых определяется только их древностью.

Таким образом, А. Ригль предложил тройное определение значимости памятника, отнеся к наиболее важным его характеристикам художественно-историческую ценность, древность и утилитарную ценность. Посредством проведенного анализа он обнаружил сосуществование в одном и том же памятнике различного рода ценностей, которые могут оказаться в противоречии друг с другом, ибо ценность древности находится в оппозиции к утилитарной ценности; в то же время последняя может быть в конфронтации с художественной и исторической ценностями. Однако эти конфликты, по мнению австрийского теоретика искусства, вполне разрешимы, если каждый имеющийся случай рассматривать в индивидуальном порядке, учитывая, с одной стороны, состояние памятника, а с другой – его социально-культурный контекст.

Кроме того, типология ценностей памятника, предложенная А. Риглем, обладает чертами хронологичности и куммулятивности [2. Р. 48]. Если интенционально-мемориальное понимание памятника преобладало в античности и в средние века, то в эпоху Возрождения возникают зачатки понимания его исторической ценности, которое полностью сформируется только в XIX столетии, названном по праву веком истории. В XX в. в связи с выходом на первый план коммерческих установок памятники начинают рассматриваться с точки зрения их утилитарной ценности, т.е. возможности их использования

для извлечения прибыли. Причем в ходе истории каждая более поздняя ценность присоединяется к более ранней.

Однако, несмотря на все свои достоинства, теория А. Ригля не избежала критики, а также исправлений и дополнений. Так, итальянский специалист по охране памятников Г.Г. Декио дополнил ее категорией *национальной* ценности, которая, с его точки зрения, является важнейшим стимулом для сохранения объектов культурного наследия. С другой стороны, К. Холторф высказал сомнения относительно идеи изначально установленной интерциональности памятников: дело в том, что хотя последние и возводятся, чтобы увековечить что-то (или кого-то), их ценность тем не менее определяется заново коллективной памятью каждого следующего периода развития истории [3].

Заслуживающую внимания классификацию памятников предложил французский ученый Р. Дебре в своей работе «След, форма или сообщение» [4], где все они были разделены на три группы: 1) *памятник-сообщение*, 2) *памятник-форма* и 3) *памятник-след*. К первой группе автор относитobelisks, крипты, часовни и другого рода материальные памятники. Для них, по его мнению, не обязательны ни художественные, ни временные ценности. Памятники этой группы, в соответствии с первоначальным значением данного слова, предназначены прежде всего для воспоминания, а не для чего-то иного. Они устанавливаются на площадях, кладбищах, перекрестках, местах крупных сражений. Именно этого вида памятники, хотя они порой не представлены в государственных реестрах культурных ценностей, знаменуют собой передачу наследия от ушедших поколений к будущим. Памятник-форма, согласно Р. Дебре, являет собой традиционный «исторический памятник». К данному типу относятся архитектурные сооружения, которые не несли в себе первоначально никакой мемориальной интенции, и даже парки, сады, скверы и площади, не утратившие до сих пор свое утилитарное назначение. Памятник-след – это некий документ прошлого, не претендующий ни на оригинальность, ни на эстетичность (будь то искусственный канал, фабричная постройка и т.д.). Но тем не менее он передает стиль и вкусы той эпохи, в которую был создан. Являясь по сути своей более скромным, чем памятники первых двух групп, он теснее связан с повседневностью. Все три вышеуказанных типа памятников способны переходить один в другой: так, Эйфелева башня сначала была памятником-формой, затем стала памятником-сообщением, провозглашая торжество науки и техники в эпоху модерна, и, наконец, предстала визуальным брендом Парижа, узнаваемым во всех концах света.

Претендующая на универсальность типология памятников Р. Дебре сразу же стала объектом резкой критики. Например, один из соотечественников ученого писал о ней следующее: «Говоря о мировом наследии, как можно было бы практически применить классификацию памятников Р. Дебре? К какой традиции, теории, истории, идентичности относится *памятник-след*? И должны ли его охранять те, кто не имеет той же исторической памяти? Тем более, когда речь идет о *памятнике-сообщении*. В свою очередь, *памятник-форма* рискует столкнуться с относительностью вкусов, разнообразием техник и масштабов: то, что одним кажется красивым, величественным и впечатляющим, для других будет низко, противно, непонятно, помпезно...» [5. Р. 41].

Изменившаяся геополитическая обстановка в последнее десятилетие прошлого века, вызванная распадом СССР, и ряд других обстоятельств, связанных, в первую очередь, с существенной коррекцией взглядов посткоммунистических стран на свое прошлое, актуализировали и обострили проблему того, что следует из культурного наследия сохранить, а что отвергнуть. В русле решения этой проблемы особенно настоятельным стал вопрос о статусе ценностей: являются ли они имманентными, т.е. внутренне связанными с самим объектом, или, напротив, внешними для него, а значит, непрерывно меняющимися с изменением интересов и потребностей общества. В этой связи одни исследователи утверждают, что культурные объекты, в том числе и памятники, обладают внутренней ценностью, поскольку являются источником знаний о прошлом; другие в противовес им доказывают, что нет никаких «фиксированных» ценностей, стало быть, при оценке того или иного объекта, претендующего на культурную значимость, несомненное влияние оказывают такие факторы, как политическая конъюнктура, ценностные предпочтения, а также уровень образования и профессиональная компетентность оценивающих. И действительно, там, где неподготовленный взгляд дилетанта видит всего лишь сколотый камень, археолог, имеющий в этом деле «наметанный глаз», разглядит созданное древним человеком орудие труда.

Учитывая всё это, американские ученые Дж. Тейнтер и Дж. Лукус несколько иначе ставят проблему понимания значимости культурного наследия, в связи с чем ими выносятся на обсуждение ряд альтернативных способов определения ценности объектов культуры. Они предлагают устанавливать не ценность того или иного объекта, а его «неценность», что, по их мнению, уменьшит риск его неправомерного исключения из списка того, что должно быть сохранено. Ведь никто не может заранее знать, как будет оценен в будущем специалистами и обществом объект, который в настоящее время считается малозначительным или вовсе не имеющим никакой ценности. Отсюда делается вывод, что недостаточно применять лишь сегодняшние критерии значимости для определения необходимости охранять и сохранять объекты наследия, ибо то, что в настоящее время не признается значимым, может стать таковым для наших потомков [6. Vol. 1. P. 322].

Свой вклад в обсуждение проблемы ценности объектов культуры внес американский археолог У. Лайп. Разделяя критический настрой по отношению к сторонникам «имманентности ценностей» наследия, он утверждает, что последние воспринимаются индивидами и группами в зависимости от их психологических и интеллектуальных навыков. Поэтому всё, что осталось от прошлого, является *потенциальным* культурным ресурсом. Признавая то, что ни один объект не сохраняет на протяжении истории его существования своей первоначальной ценности ввиду получения им новых функций, американский археолог тем не менее предлагает «настойчиво искать и экспонировать связи объекта с его первичным назначением в прошлом» [7. Vol. 1. P. 299].

В процессе рассмотрения культурного наследия как ресурса У. Лайп устанавливает, что ему присущи следующие ценности: ассоциативно-символическая, информационная, эстетическая и экономическая. Далее он дает их краткую характеристику и выявляет между ними возможные взаимосвязи. Американский археолог признает, что информационная ценность является крайне зависимой от интеллектуального контекста эпохи, а невозмож-

ность предугадать заранее направленность интересов науки будущего порождает так называемый «комплекс Ноя» (Р. Дебре), когда возникает стремление «сохранить всё». Эстетическая ценность объекта также зависит от множества вещей: от стандартов красоты и стиля, господствующих в обществе, от особенностей эстетической культуры, в лоне которой было создано то или иное произведение, от критических работ историков и искусствоведов, а также от требований, диктуемых современным рынком. Эстетическая ценность, по У. Лайпу, оказывается тесно связанной с ассоциативно-символической и способна усиливать ее. В то же время эстетическая ценность взаимосвязана с экономической (ценностью), которая может представлять в виде утилитарной ценности, когда объект культурного наследия удовлетворяет сегодняшние потребности людей. Значимость объекта тем выше, чем больше пользователь готов заплатить за его посещение или инвестировать в него, дабы сохранить его как культурную ценность. Наиболее отчетливо взаимодействие эстетической и символической ценностей, с одной стороны, и экономической ценности – с другой, наблюдается в сфере культурного туризма. По мнению У. Лайпа, важно найти баланс между ассоциативно-символической и экономической ценностями, поскольку чрезмерное приспособление объекта к злободневным требованиям и неумное стремление извлекать из него экономическую выгоду создает риск разрыва ассоциативных связей с прошлым, благодаря которым объект воспринимается именно как культурное достояние, а не экономический ресурс. Однако всегда существует опасность, что отдание приоритета экономической ценности может полностью свести на нет информационную и ассоциативно-символическую ценности. Отсюда миссия пропагандистов наследия заключается в том, чтобы убедить общество в необходимости сохранения информационной, эстетической и ассоциативной ценности объекта даже при отсутствии непосредственной финансовой выгоды.

Учитывая всё вышеизложенное, можно сказать, что трактовка понятия «памятник культуры» за последние десятилетия значительно расширилась не только в смысловом плане, но и структурно. С одной стороны, это говорит о том, что теоретическая мысль Запада не стоит на месте: она всё более углубляется в изучение исследуемого объекта, выявляет ранее скрытые его стороны и аспекты, выискивает новые функции и их взаимосвязи. Но, с другой стороны, такая пестрота и разнообразие позиций дают повод для определенного рода скепсиса при освещении итогов проделанной работы. Вот как эту ситуацию видит и оценивает Р. Чепайтене: «Единой типологии ценностей нет и быть не может: каждый человек, специалист, государство или занимающаяся деятельностью по охране наследия общественная или международная организация имеют и применяют свою классификацию в зависимости от того, что они считают наследием. Это происходит потому, что, оценивая культурное наследие, мы сталкиваемся с его многоперспективностью: каждый объект имеет несколько часто конфликтующих между собой ценностей; кроме того, придаваемые объектам ценности постоянно меняются в зависимости от социокультурного контекста, поэтому невозможно их объективно измерить и определить» [8. С. 79].

С другой стороны, такая ситуация вполне объяснима и даже закономерна, если учитывать теоретические наработки феноменологии и герменевтики

XX в. В свое время немецкий феноменолог Э. Гуссерль установил, что любой эмпирически данный объект в силу интенциональности сознания открывает свои ранее не видимые горизонты, благодаря чему создаются нозмы (смысловые образования), содержащие в себе прежде не актуализированные значения и смыслы. Эти идеи прижились не только в феноменологии, но и в герменевтике. Один из ее крупнейших представителей Х.-Г. Гадамер писал: «Невозможно непосредственное приближение к историческому объекту, которое объективно устанавливало бы его историческое значение» [9. С. 386]. На самом деле значение объекта, его ценность устанавливает субъект посредством рефлексии, которая не является «чистым» (т.е. свободным от всякой «предвзятости») познавательным актом, поскольку обусловлена воспитанием и образованием познающего и оценивающего субъекта, его принадлежностью к той или иной культурной традиции и особенностями парадигмы научного познания, свойственными той или иной эпохе, и т.д.

Литература

1. *Большой энциклопедический словарь* : в 2 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1991. Т. 2. 862 с.
2. Riegl A. The Modern cult of Monuments. Its character and its Origin // *Opposition*. № 25 (Fall 1982). P. 21–51.
3. Holtorf C.J. Monumental Past [Online] Available from: <http://tspace.library.utoronto.ca/handle/1807/245> (accessed: 29.10.2018).
4. Debray R. Trace, forme ou message? // *La confusion de monuments. Les cahiers de methodology*. № 7. Paris: Gallimard, 1999. P. 28–39.
5. Huyghe F.B. Un patrimoine sans patrie? // *La confusion de monuments. Les cahiers de methodology*, № 7. Paris : Gallimard, 1999. P. 40–49.
6. Tainter J.A., Lucus J.G. Epistemology of the significance Concept // *Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies*. London : Routledge, 2007. Vol. 1. P. 310–323.
7. Lipe W.D. Value and Meaning in cultural Resources // *Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies*. London : Routledge, 2007. Vol. 1. P. 274–291.
8. Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет; Институт истории Литвы, 2010. 296 с.
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики; пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

Irina I. Gorlova, Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch (Krasnodar, Russian Federation).

E-mail: ii.gorlova@gmail.com

Alexander L. Zorin, Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch (Krasnodar, Russian Federation).

E-mail: azorl15@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 34, pp. 183–189.

DOI: 10.17223/2220836/34/18

ABOUT SOME APPROACHES TO THE CREATION OF AN AXIOLOGICAL THEORY OF MONUMENTS IN THE CONTEMPORARY WESTERN HUMANITIES

Keywords: axiological theory of monuments; intentional-memorial comprehension of monuments; national value of monument; monument-message; monument-trace; monument-form; immaturity of values.

Nowadays there are different approaches to the concept “monument”. It depends on, in which science this problem is discussed. Firstly the value characteristic of the monuments in scientific literature more detailed was elaborated towards the objects of architecture. But over the time the sphere of using of this approach significantly expanded. It caused close attention of art researchers and scientists to the axiological aspect of the cultural heritage as itself. One of the first researchers, interesting in this

problem, was Austrian theorist of art and historian A. Riegl, who introduced into the scientific turnover two concepts: “intentional monuments” and “non-intentional monuments”. Considering this, he created dual value structure that was presented, on one hand, by the values of history and of history of arts, and, on the other hand, by the utilitarian and hedonistic values. As a result A. Riegl appealed to pay attention not just to the art value of monument and its antiquity, but also to the utilitarian value. Worthy classification of the monuments proposed French scientist R. Debray, dividing them into three groups: 1) monument-message, 2) monument-trace, 3) monument-form. All these mentioned types of monuments, according to the author, are able to transform one into another: for example the Eiffel tower at first was a monument-form (just an architectural construction), then it became monument-message, proclaiming the triumph of science and technique in the époque of Modern, and at least it was presented as visual brand of Paris, well-known around the world. American scientists J. Tainter and J. Lucas present the problem of value of the cultural heritage in another way, that’s why they create some alternative manners to determinate the value of the monuments of culture. They propose not to determinate the value of this or that object but its “non-value”, that, according to them, will minimize the risk of illegal exclusion from the list of monuments those, which must be conserved.

Also American archeologist W. Lipe contributed into the discussion of problem of the value of cultural objects. He shared the critical spirit towards the supporters of the “immanency of values” and proclaimed, that the last ones are considered by individuals and groups, depending on their psychological and intellectual skills. That’s why everything, that was rest from the past, is a potential cultural resource. Considering all this we can say that theoretical thought of the West is not on the same place: it plunges dipper and dipper into the studies of researching object, finds out its before hidden sides and aspects, looks for new functions and their connections. However this diversity of positions (multiperspectivism) gives the reason to a certain skepsis while presenting the results of work that was made, because the unitary typology of the value isn’t created yet and different specialists are prone to use their own classifications that aren’t correlated to each other.

References

1. Prokhorov, A.M. (ed.) (1991) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Big Encyclopedic Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Riegl, A. (1982) The Modern cult of Monuments. Its character and its Origin. *Opposition*. 25. pp. 21–51.
3. Holtorf, C.J. (2001) *Monumental Past*. [Online] Available from: <http://tspace.library.utoronto.ca/handle/1807/245>. (Accessed: 29th October 2018).
4. Debray, R. (1999) Trace, forme ou message? In: Melot, M. (ed.) *La confusion de monuments. Les cahiers de metodologie*. Vol. 7. Paris: Gallimard. pp. 28–39.
5. Huyghe, F.B. (1999) Un patrimoine sans patrie? In: Melot, M. (ed.) *La confusion de monuments. Les cahiers de metodologie*. Vol. 7. Paris: Gallimard. pp. 40–49.
6. Tainter, J.A. & Lucas, J.G. (2007) Epistemology of the significance Concept. In: Smith, L. (ed.) *Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies*. Vol. 1. London: Routledge. pp. 310–323.
7. Lipe, W.D. (2007) Value and Meaning in cultural Resources. In: Smith, L. (ed.) *Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies*. Vol. 1. London: Routledge. pp. 274–291.
8. Chepaytene, R. (2010) *Kul'turnoe nasledie v global'nom mire* [Cultural heritage in the global world]. Translated from Lithuanian by M. Zvialova. Vilnius: European Humanitarian University; Institute of History of Lithuania.
9. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Basics of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.